

Текст · 3 февраля 2025, 06:00
Алла Константинова, Сергей Голубев,

За 2024 год в суды поступило 20 тысяч исков о признании людей пропавшими или погибшими. Их массово отправляют командиры воинских частей

За 2024 год в российские суды поступило 20 тысяч исков о признании людей пропавшими без вести или погибшими. Это в 2,5 раза больше, чем в 2023 году — тогда ситуация практически не отличалась от мирного времени (около 8 тысяч исков в год по всей стране).

Как выяснила «Медиазона», большинство этих исков подали командиры воинских частей — они чистят списки личного состава от тех, кто погиб в бою, но чья гибель не была подтверждена официально.

Для признания человека пропавшим не нужно согласие родственников — и они не всегда довольны такими исками, так как они остаются без денег и без информации о том, что случилось с их близкими.

Краткое содержание

— Суды по инициативе командиров массово объявляют солдат пропавшими без вести на войне. Родственников уведомляют о таких исках по почте — на момент суда они могут не знать, что на самом деле случилось с военнослужащим.

— Воинские части заинтересованы в том, чтобы исключать пропавших без вести (то есть погибших, чьи

тела не были эвакуированы) из штатных списков, чтобы набирать новых бойцов.

— Иски начали массово подавать во второй половине 2024 года. Это первый заметный всплеск с начала войны — и первая информация о пропавших без вести в принципе. 2022 год ничем не отличался от мирного времени, а в 2023-м таких исков было всего лишь несколько сотен.

— При этом назвать точное число пропавших сложно. В 2024 году появилось около 12 тысяч «лишних» (по сравнению с мирным временем) исков. Однако суды в таких делах избегают публичности — они скрывают заявителей и не публикуют решения, поэтому выделить военных можно лишь по косвенным признакам; это мешает подсчету.

— Благодаря делам, где заявитель все же не скрыт и где указаны номера воинских частей, можно выделить подразделения, которые подали больше всего исков о пропаже. Мы изучили этот список вместе с аналитиком *Conflict Intelligence Team*.

«У нас никто ничего не спрашивал, суд прошел без нас»

48-летний пожарный из Обнинска Александр Язиков ушел на войну добровольцем, подписав контракт в мае 2023 года. Спустя пять месяцев он перестал звонить домой, рассказывает «Медиазоне» его жена Юлия. Никакой официальной информации о том, что

произошло с Александром, нет: за все это время никто из 488-го мотострелкового полка, куда направили мужчину, не вышел на связь с его женой.

В июне 2024 года войсковая часть 12721 в Клинцах-^[1] подала в городской суд иск о признании Язикова «безвестно отсутствующим». На сайте суда в графе «Заявитель» указан неназванный «Командир части 12721», а супруга военного Юлия Язикова обозначена как «заинтересованное лицо» — под таким же статусом в деле проходят военкоматы Калужской и Брянской областей, социальный фонд и отдел загса в Обнинске, а также министерство обороны и министерство финансов России.

При этом сама Язикова говорит, что не собиралась подавать подобный иск — и вообще не верит в гибель мужа: «У меня нет оснований подавать, я ничего не знаю, у меня никакой информации вообще нет, что там произошло».

«Насколько я знаю, по закону, если нигде нет никаких сведений о пропавшем, они [войсковая часть] подают в суд исковое заявление о признании безвестно отсутствующим, для того чтобы, насколько я знаю, вывести из распоряжения [части] человека», — растерянно рассуждает она.

Нахождение без вести пропавших в списках личного состава частей мешает командирам набирать новых солдат, это прямо указывается в некоторых решениях по таким искам.

С начала войны в один лишь Клинцовский городской суд — «домашний» суд для 488-го мотострелкового

полка — поступило уже больше двухсот^[2] подобных исков. С лета 2024 года заявления поступают десятками в неделю.

Родственники других пропавших солдат из этого полка рассказали «Медиазоне» похожие истории.

Безработный из Москвы Эльнур Бабаев решил подписать контракт в ноябре 2023 года. По словам его сестры Эсмеральды, это произошло внезапно. 18 декабря, спустя месяц после вербовки, он позвонил домой в последний раз.

«А 23 декабря маме позвонил сослуживец и сказал, что брат погиб, — говорит Эсмеральда. — Те, кто были с братом на задании, трое или четверо, вернулись, и один из них это видел. Сказали, что в него снайпер попал и он упал».

Родные Бабаева звонили на горячую линию в министерство обороны и в войсковую часть 12721, к которой он был приписан. Но где и как он погиб, выяснить так и не удалось.

«Мама поехала сама в часть, в Брянск, там сказали, что он пропал, и все, — говорит Эсмеральда. — Командир даже не стал с ней разговаривать, ей сказали, что он занят, а потом он сел в машину и уехал».

В августе 2024 года родные Бабаева нашли в почтовом ящике извещение от Клинцовского городского суда Брянской области, а в октябре военного признали «безвестно отсутствующим» — об этом семья узнала из копии постановления, которую им также отправили по почте. Что делать для того, чтобы Бабаева признали умершим, его родные не знают, а связи с воинской частью нет.

«Я сейчас никак не могу и до суда дозвониться, узнать, что, как, документы, что дальше делать...» — говорит Эсмеральда.

По общему правилу, человека можно объявить пропавшим (безвестно отсутствующим), если он не появлялся дома больше года, а умершим — больше пяти лет. Исключение, когда человек пропадает в смертельно опасных обстоятельствах, тогда его можно объявить умершим уже через полгода.

Весной 2023 года для всех участников вторжения в Украину был принят упрощенный порядок этих процедур; он распространяется и на тех, кто пропал до этого указа с начала войны.

Военнослужащего можно объявить пропавшим не через год, а через полгода после того, как его видели последний раз. Затем, когда суд признает человека пропавшим, еще через три месяца можно обратиться в суд второй раз и объявить его уже умершим.

Но если воинская часть (или кто-то еще) может подготовить для суда «документ установленной формы, содержащий сведения об обстоятельствах исчезновения или о возможной гибели гражданина», спустя полгода иск можно подавать

сразу о признании погибшим, минуя стадию пропажи.

Пенсионерка Людмила Гудилина из Курска показывает «Медиазоне» снимки постановления Клинцовского городского суда о признании ее 32-летнего сына Юрия «безвестно отсутствующим», решение суд **вынес** 28 октября 2024 года. Документ начинается с фразы: «Командир войсковой части 12721 обратился в суд», но фамилия заявителя не указана.

«11 февраля 2024 года Гудилин пропал без вести, предположительно погиб. Установление факта безвестного отсутствия Гудилина необходимо для его исключения из списков личного состава», — говорится в документе.

Извещение об этом заседании семья пропавшего получила в августе 2024 года. Как и в других случаях, суд прошел без их участия.

«У нас никто ничего не спрашивал, суд прошел без нас, — рассказывает "Медиазоне" сестра Гудилина Анастасия. — Мы им многократно отправляли заявки о том, чтобы суд прошел у нас в городе или хотя бы по видеозвонку, но наш суд не одобрил это. Я позвонила в суд: "Нет, ничего не нужно, часть уже подала документы, и если вы говорите, что его [военнослужащего] дома нету, мы все сделаем без вас". И в итоге все без нас прошло».

Гудилин ушел на войну из ИК-5 в Орловской области в декабре 2022 года; с 11 февраля 2023 он перестал звонить домой.

«Мы сами забили тревогу, он не связывался с нами долго, — говорит Анастасия. — И я вышла на парня, с которым они жили в одном блиндаже — он мне сказал, что брата [в части] объявили без вести пропавшим».

Семья много раз пыталась связаться с командиром войсковой части 12721, но «он тупо не отвечает», говорит она. Семья пропавшего военного так и не узнала фамилию его начальника, ведь командиры в части постоянно меняются. «Был один, потом второй, потом третий...», — усмехается Людмила Гудилина.

По словам Анастасии, в чатах она нашла телефон «замполита Чернова», который и подтвердил ей пропажу Юрия на фронте.

«Сказал, что спустя полгода его отсутствия будет подаваться в суд заявление о том, чтобы его уже по суду признали без вести пропавшим, — вспоминает она. — Говорил: „Вы можете обратиться в суд, чтобы часть его не признавала без вести пропавшим. Но для этого должны быть веские обстоятельства: что он дома, или вы знаете, где он. А вот так просто потому, что мы „не хотим“, так нельзя“».

Выплаты пропавшим

Родственники «безвестно отсутствующих» военнослужащих остаются почти что без поддержки государства. Командиры подразделений достаточно быстро снимают пропавших с должности — и тогда они перестают получать «фронтовую» зарплату, а семья может рассчитывать на обычный армейский оклад в несколько десятков тысяч рублей.

Затем воинская часть подает иск, чтобы окончательно вычеркнуть человека из списка личного состава. Командование может заявить как о пропаже, так и о гибели человека^[3]. В обоих случаях семья перестает получать довольствие военнослужащего сразу же после решения суда.

Если часть подавала иск о том, что военный пропал без вести, а не погиб, семья не может сразу претендовать на многомиллионные выплаты за гибель — тогда для перевода из первой категории во вторую нужно отдельное решение суда.

Опрошенные «Медиазоной» родственники военнослужащих из 488-го мотострелкового полка рассказали, что часть подавала иски именно о пропаже — и поэтому никаких выплат они пока не получали.

«У него зарплата 200 с чем-то тысяч была за январь, потом за февраль сколько-то денег было... и платили ежемесячно по 30 тысяч до тех пор, пока его не признали без вести отсутствующим. И все, больше мне ничего не платят. Теперь в феврале мы должны подать в суд сами — чтобы его признали без вести погибшим. И тогда уже будут какие-то деньги выплачивать», — рассказывает мать одного из пропавших Людмила Гудилина.

Юрист Движения сознательных отказников (ДСО) [Артем Клыга](#) и попросивший об анонимности военный адвокат рассказали «Медиазоне», что еще не сталкивались в своей практике с родственниками, которые из материальных соображений отказывались бы от официального

признания своего родственника «безвестно отсутствующим» или умершим.

«В основном люди преследуют другие цели, когда упрямятся, — говорит анонимный военный адвокат. — Они ошибочно предполагают, что пока он "без вести пропавший" — его лучше будут искать. А когда признают погибшим — искать перестанут. Это заблуждение. Никто их не ищет в обоих случаях одинаково».

«Медиазоне» удалось найти дело, в котором супруга пропавшего на войне мужа отстояла право получать его зарплату. Войсковая часть 12721 в Клинцах уже в третий раз пытается признать «безвестно отсутствующим» мобилизованного мужа Вероники Цыт из Брянска.

Получив извещение из суда, Цыт проконсультировалась с юристом и подала встречное ходатайство, после чего суд в Клинцах оставил дело без рассмотрения.

«У моего супруга на иждивении находится несовершеннолетний ребенок, который получает его денежное довольствие, — рассказала «Медиазоне» Цыт. — В связи с этим возникает спор о праве — на этом основании суд имеет право оставить дело без рассмотрения. Если бы моего супруга признали безвестно отсутствующим по суду, его бы вывели из состава воинской части и перестали бы платить денежное довольствие. <...> Какой мне от этого плюс? Я не знаю, как мне дальше искать своего супруга, плюс при этом я теряю все статусы и выплаты».

Сейчас денежное довольствие пропавшего на войне мужа Вероники составляет 26 тысяч — это сумма его окладов по званию и должности. Если бы суд признал мужчину «безвестно отсутствующим», семье военного была бы положена только пенсия по потере кормильца, но она существенно ниже. «16 тысяч, как мне сказали», — уточняет Цыт.

Пока мобилизованный служил, ему также полагались дополнительные 158 тысяч рублей, но эти деньги перестали выплачивать как только муж перестал звонить домой, говорит Цыт.

«Их отправили на задание — они не вернулись. Командир воинской части сразу же издал указ, на основании которого он снимает военнослужащего с должности», — добавляет она.

По словам Цыт, в воинской части «даже информацию предоставить не могут», и она намерена обратиться в военную прокуратуру.

«У них [в части] постоянно кто-то меняется, кто-то уходит, кто-то болеет, кто-то уезжает, — злится женщина. — Если воинская часть считает, что мой супруг им нужен был на момент мобилизации, значит, они должны выполнить свои обязательства по тому, чтобы его отыскать и вернуть домой. А не просто вычеркнуть его из своих списков — и дальше делайте, что хотите».

Иски по всей России

Ситуация с исками от клинцовского 488-го полка для «вывода из распоряжения» погибших бойцов

далеко не уникальна. «Медиазона» изучила все иски о признании пропавшими или погибшими во всех российских судах и выяснила, что подобная чистка списков личного состава началась по всей стране.

За 2024 год в суды поступили рекордные **20 040** исков о признании пропавшими или погибшими. Это в два с лишним раза превышает показатели 2023 года (**8 591** иск).

В 2022 году число таких заявлений ничем не отличалось от довоенного уровня — около 8 тысяч в год по всей России.

Примерно в **5 тысячах исков**^[4], поданных в суды в 2024 году, однозначно указано, что заявители по ним связаны с армией. В таких делах иск подает либо командир воинской части, либо к делу привлекают военных прокуроров, военкоматы или напрямую Минобороны.

До войны и в 2022 году такие иски от военных исчислялись десятками; в 2023 суммарно их было около 500.

Однако суды часто скрывают имена и должности заявителей. Так было даже в довоенные годы — исторически это поле скрыто примерно в каждом третьем подобном обращении.

В 2024 году число скрытых заявителей по искам о пропаже или гибели человека выросло по сравнению с 2023 годом в два с половиной раза — с **2 986** до **7 832**. Как выяснила «Медиазона», рост числа исков,

поданных неназванными заявителями, тоже связан с активностью командиров.

Больше всего исков о признании человека пропавшим в 2024 году получил Октябрьский районный суд Ростовской области: сюда поступило **1 243** таких обращения. В октябре и декабре прошлого года-суд получал по 300 таких заявлений в месяц. В предыдущие годы такой активности не было.

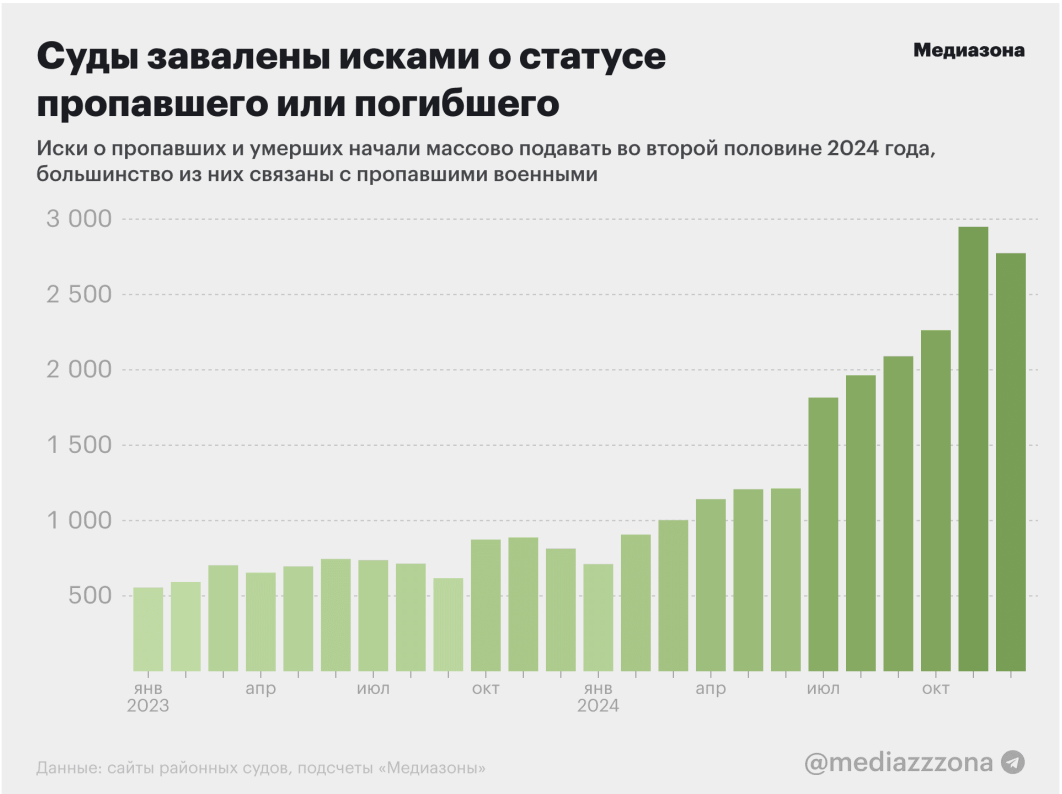
Все заявители по этим искам скрыты на сайте суда, однако помощница председателя Октябрьского районного суда Анна Велищенко в разговоре с «Медиазоной» подтвердила, что массово обращаются в суд именно военные. Это связано с территориальной подсудностью^[5]: иски поступают от воинских частей, расположенных на территории Октябрьского района Ростовской области.

Велищенко добавила, что обращений от родственников «на практике мало».

Это подтверждается и изученными «Медиазоной» данными по всей России: в 2024 году физические лица (в поле «заявитель» упомянуто только ФИО человека — например, родственника) подали около 6 тысяч^[6] подобных исков против примерно 4,3 тысяч^[7] в 2023 году. То есть, их число выросло примерно на треть — это гораздо меньше, чем рост по военным и по скрытым заявителям.

В общей сложности «Медиазона» нашла за 2024 год более 6 тысяч^[8] исков, которые однозначно связаны с пропавшими военными. Это половина всех «новых» исков в прошедшем году.

Еще столько же дел засекречены и разбросаны по разным судам. Они также начали появляться лишь во второй половине 2024 года — и скорее всего тоже касаются пропавших солдат.

Последствия штурмов

Благодаря делам, в которых заявитель не скрыт, можно определить, какие воинские части чаще других заявляли о пропаже бойцов.

Больше всего исков подала часть 91704 — это 254-й мотострелковый полк, который входит в 144 мотострелковую дивизию (группировка «Центр» ВС РФ).

Согласно данным о погибших, которые собирает «Медиазона», в 2024 году солдаты 254 мсп наступали на Лиманском направлении. В октябре 2024 года украинские военные рассказывали журналистам, что здесь российские войска пытались «продвинуться хоть на один куст вперед» непрерывными штурмами.

«Дневные [штурмы] — абсолютно идиотские: пехоте нужно идти прямо по голому полю. Преимущественно это контрактники, оказавшиеся под угрозой попадания за решетку из-за каких-то мелких преступлений», — утверждал пресс-офицер 63-й отдельной механизированной бригады ВСУ Ростислав Ящишин.

Российские источники (например, телеграм-канал «Рыбарь», который ведет бывший сотрудник пресс-службы Министерства обороны) к началу 2025 года сообщали об успехах на этом направлении.

Медиазона

Какие подразделения просят объявить бойцов пропавшими

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ	№ В/Ч	КОЛ-ВО ИСКОВ
254-й мотострелковый полк	91704	288
488-й мотострелковый полк	12721	280
7-я военная база в Абхазии	09332	220
1428-й мотострелковый полк	95368	214
752-й мотострелковый полк	34670	161
108-й десантно-штурмовой полк	42091	123
27-я мотострелковая бригада	61899	110
331-й парашютно-десантный полк	71211	91
36-я мотострелковая бригада	06705	87
7-й мотострелковый полк	06414	75

Данные: сайты районных судов, расчеты «Медиазоны»

Второй по числу заявлений — 488-й мотострелковый полк — также входит в 144 мсд и также наступал на Лиманском направлении.

«На период 2024 года штурмовые группы 488-го гвардейского мотострелкового полка 144-й дивизии 20-й общевойсковой армии, вели наступление на позиции ВСУ в районе населенных пунктов Макеевка и Невское на Лиманском направлении фронта», — пишет российский Z-проект *AmalNews*.

Исследователь из *Conflict Intelligence Team* в разговоре с «Медиазоной» напомнил, что 254 мсп и 488 мсп также прикрывали Курскую область.

«Там довольно сложная структура была, но формально военнослужащие к этим полкам были приписаны. Может быть, еще оттуда потерявшиеся. Вообще Лиманское направление нельзя сказать, что прямо очень горячее, хотя условия в плане местности там довольно тяжелые. Бои в Южном Донбассе по масштабу намного более серьезные», — добавили в СІТ.

По словам исследователя, есть два возможных объяснения такому количеству исков от этих полков:

«Во-первых, в 2024 году там, где воюют 254 и 488 [мсп], фронт стоял практически, продвижения если и были, то минимальные. Соответственно все, кто остался лежать в серой зоне, там и лежали. В отличие от участков, где РФ стабильно продвигались и таким образом могли забирать убитых со временем. Второе — это просто такой волюнтаризм комдива, типа всем в дивизии списать как можно больше без вести пропавших, выполняйте».

На третьем месте в списке заявителей — 7-я военная база в Абхазии (в/ч 09932). Об участии военнослужащих 7 вб во вторжении в Украину известно с 2022 года. «Они сейчас довольно активно воюют, вроде в районе Бахмут-Курдюмовка-Клещеевка, там тоже продвижения минимальные, и пропавших довольно много — если номер в/ч вбить в поиске "ВКонтакте",

видно, что ищут пропавших в 2024 году»,
— комментирует исследователь из СІТ.

Также в списке есть 1428-й мотострелковый полк, который был сформирован в 2022 году из мобилизованных с севера европейской части России. Военнослужащие из этого полка в 2023 году записывали несколько видеообращений о том, что их отправляют в самоубийственные штурмы под Бахмутом вместо «ЧВК Вагнера». Сейчас, по наблюдениям СІТ, они воюют под Тернами.

«Не думаю, что количество списываемых без вести пропавших напрямую связано с уровнем потерь. Тогда бы здесь следовало ожидать части ЦВО, которые с Авдеевки наступают — самые большие потери у них должны быть. Так что скорее всего это сочетание интенсивности боев и отсутствия изменения линии фронта», — рассуждает аналитик СІТ.

К концу января 2025 года на большое число исков о пропаже или гибели военных обратили внимание пресс-службы судов по всей России: они начали публиковать пресс-релизы о подобных обращениях от родственников солдат.

Редактор: Максим Литаврин

Инфографика и данные: Сергей Голубев

-
1. Это и есть 488-й мотострелковый полк.
 2. 238.
 3. Подробнее — во врезе выше.

4. 5 090 исков: 3 030 от командиров войсковых частей и 2 060 с упоминанием Минобороны или военкоматов.

5. Командиры воинских частей должны подавать иски о пропаже в суд, который располагается ближе всего к их части. Если они попробуют обратиться в другой (например, по месту жительства пропавшего), то его не примут.

6. 5 976

7. 4 374

8. 6 333: это 5 тысяч, упомянутые ранее, плюс 1 243 «скрытых» иска в Ростовской области.